

Славяноведение, 2021, № 3, с. 20–35

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2021, № 3, pp. 20–35

DOI: 10.31857/S0869544X0014848-5

Оригинальная статья /
Original Article

Генерал Ф.Е. Махин в годы Второй мировой войны в Югославии

© 2020 г. А.В. Ганин

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская Федерация)

andrey_ganin@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена последнему периоду жизни и деятельности Федора Евдокимовича Махина (1882–1945) в годы Второй мировой войны. Ф.Е. Махин – русский офицер-эмигрант, член партии эсеров, позднее – югославский коммунист. Во время Второй мировой войны он принял активное участие в антифашистском сопротивлении в Югославии сначала в рядах четнических формирований Д. Михайловича, а позднее в Народно-освободительной армии Югославии. Ф.Е. Махин стал одним из близких соратников Й.Б. Тито, участвовал во многих операциях и получил звание генерал-лейтенанта югославской армии.

Ключевые слова: Югославия, Вторая мировая война, русская военная эмиграция, Ф.Е. Махин, Й.Б. Тито.

Благодарности: Выражаю глубокую благодарность д-ру ист. наук А.Ю. Тимофееву (Институт новейшей истории Сербии; Белградский университет) за помощь в подготовке этого материала.

Ссылка для цитирования: Ганин А.В. Генерал Ф.Е. Махин в годы Второй мировой войны в Югославии // *Славяноведение*. 2021. № 3. С. 20–35. DOI: 10.31857/S0869544X0014848-5.

General F.E. Makhin during World War II in Yugoslavia

© 2021. A.V. Ganin

andrey_ganin@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the last period of life and activity of Fyodor Evdokimovich Makhin (1882–1945) during the Second world war. F.E. Makhin was Russian emigrant officer, member of the socialist-revolutionary party, later – Yugoslavian communist. During the Second world war, he took an active part in the anti-fascist resistance in Yugoslavia, first in the ranks of the Chetniks of D. Mikhailovich, and later in the People's Liberation army of Yugoslavia. F.E. Makhin became one of the close associates of I.B. Tito, participated in many operations and received the rank of Lieutenant General of the Yugoslav army.

Keywords: Yugoslavia, World War II, the Russian military emigration, F.E. Makhin, I.B. Tito.

Acknowledgements. I express my deep gratitude to Dr. Timofeev (Institute of Modern History of Serbia; University of Belgrade) for his help in preparing this material.

For citation: *Ganin A.V. General F.E. Makhin during World War II in Yugoslavia // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie. 2021. No. 3. Pp. 20–35. DOI: 10.31857/S0869544X0014848-5*

Участие русских военных эмигрантов во Второй мировой войне остается дискуссионным вопросом. Как известно, эмиграция тогда разделилась — множество военных эмигрантов, ветеранов Белого движения, мечтавших вернуться на родину, считали, что война дает возможность свергнуть ненавистный им большевистский режим. Однако были и те, кто рассуждал иначе.

Одним из таких военных был Федор Евдокимович Махин (1882–1945) — человек интересной и сложной судьбы, представитель того поколения, на долю которого выпали суровые испытания: мировые войны, революции, Гражданская война, вынужденная эмиграция, необходимость все начинать с нуля на чужбине [1. С. 27–332]. Достаточно отметить, что Махин по происхождению был простым оренбургским казаком, а закончил жизненный путь генерал-лейтенантом Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ). При этом последний период жизни и деятельности Махина остается слабо изученным, хотя этот человек сыграл заметную роль в антифашистском сопротивлении в Югославии.

Судьба Махина в высшей степени интересна, парадоксальна и противоречива. До революции — казачий офицер, получивший высшее общее военное образование в академии и дослужившийся до чина подполковника. В 1917 г. он примкнул к эсерам и затем по заданию эсеров пошел служить в Красную армию для подрывной работы. Занял пост командующего армией, сдал чехословакам город Уфу и перешел на сторону Комитета членов Учредительного собрания (Комуча). Далее командовал одной из групп войск Народной армии Комуча, воевал уже против красных, но не прижился в белом лагере. За участие в заговоре против атамана А.И. Дутова и адмирала А.В. Колчака Махин был выслан из Сибири за границу в начале 1919 г. В эмиграции продолжал сотрудничать с эсерами, курировал разведывательную работу против Советской России, руководил Объединением российских земских и городских деятелей (Земгор) в Югославии. Позднее перешел на оборонческие позиции и в 1930-е годы стал тайным агентом советской внешней разведки.

В 1939 г. Махин порвал с эсерами и вступил в ряды Коммунистической партии Югославии [2. С. 208], находившейся тогда в подполье. Очевидно, это было уже следствием вербовки Махина советской разведкой. Лидер партии в то время Й.Б. Тито стал в 1940 г. генеральным секретарем. Такая эволюция была, видимо, характерна для окружения Махина. В частности, бывший библиотечарь Земгора Ф.Е. Высторопский позднее вступил в антифашистский Союз советских патриотов и стал одним из его руководящих работников [3. С. 529]. По-видимому, Махин курировал эту организацию еще до войны по линии советской разведки [4. С. 112]. В период немецкой оккупации Союз советских патриотов действовал в подполье. Член Союза И.Н. Голенищев-Кутузов отметил, что, «уходя с югославской армией в первые дни войны весной 1941 года, Махин поручил Высторопскому организовать русских патриотов для борьбы с фашистами в Белграде» [5. С. 179].

Как крупный военный аналитик, Махин заинтересовал итальянскую разведку, которая стремилась установить с ним контакт. Но в итоге контакт установили советские представители, якобы через нелегала Р.Г. Бирка (впрочем, Бирк был арестован в 1937 и расстрелян в 1938 г. в СССР). Сам Махин сумел завербовать некоего агента «Милка» из группы советского нелегала «Крума», занимавшегося Балканами [6].

В фрагментах дневника за 1941 г., которые были опубликованы в 1945 г. в газете «Красная звезда», Махин упомянул, что 8 апреля 1941 г. после нападения гитлеровцев на Югославию, взяв только самое необходимое, покинул разбомбленный Белград и бежал в Сараево.

17 апреля 1941 г. Югославия капитулировала. В первые дни гитлеровской оккупации в Белграде эмигрантами правого толка был разгромлен Земгор, а его библиотека частично расхищена, частично перевезена в Русский дом в Белграде. Архив Земгора был уничтожен, видимо, из соображений безопасности еще перед началом оккупации [7. С. 447].

Как человек, к тому времени уже прочно ассоциировавшийся с советским патриотизмом, Махин перешел на нелегальное положение и был вынужден скрываться, чтобы не попасть в руки гестапо. Ни гестапо, ни сербская Специальная полиция не смогли поймать ни Махина, ни его помощника по разведывательной деятельности В.А. Лауданского [8. С. 47].

Те, кто не признал капитуляцию, уходили в горы или начинали борьбу в подполье. Среди первых групп сопротивления гитлеровцам был отряд полковника югославской армии Д. Михайловича. В дальнейшем он возглавил движение четников — сербских партизан некоммунистического толка. Странником последнего был друг Махина В.И. Лебедев. Какое-то время Махин прожил в городе Гацко, неподалеку от Черногории, и в апреле 1941 г. примкнул к антифашистскому сопротивлению. По-видимому, речь шла о четниках. Впрочем, в опубликованных в СССР фрагментах дневника Махина об этом не говорилось.

Сохранилось свидетельство участника партизанского движения С. Ковачевича о появлении Махина в Гацко: «Среди всех проходивших через наше Гацко мы также заметили человека среднего роста, довольно полного, с седеющей бородой. Наш вывод был: это настоящий русский, еще и белогвардеец! Поскольку мы не скрывали своего отношения к нему, он подошел к нам и спросил, можем ли мы помочь ему чем-то из продуктов. Наша грубость не смутила его; наоборот, он взял на себя инициативу и открыто сказал нам, что он почувствовал наше неблагоприятное впечатление о нем, и это ошибочно, поэтому он хочет поговорить с нами. Он пригласил нас в кабинет единственного отеля и рассказал нам свою биографию. Мы убедились, что ни о каком белогвардейце нет речи, а это Федор Махин, автор многих популярных произведений о строительстве социализма в СССР, которые мы в предвоенные годы просто “проглатывали” на нелегальных скоевских¹ собраниях в школах. В конце он вытащил из дорожной сумки роскошно изданный исторический альбом СССР и на нем нам написал посвящение: “Для прогрессивной молодежи Гацко”» [9. С. 295–296].

Анонимный автор из русских эмигрантов утверждал, что Махин командовал значительным отрядом повстанцев [10. С. 2], однако в силу возраста и русского

¹ SKOJ (Savez komunističke omladine Jugoslavije) — Союз коммунистической молодежи Югославии.

происхождения Махина это представляется маловероятным. С четниками Махин ушел в Сараево, а затем в горные районы Черногории. Интересно, пришлось ли ему тогда вспомнить своего соратника по борьбе на Волге в 1918 г., черногорца полковника А.С. Бакича — выходца из этих мест?!

Об одном из эпизодов, характеризующих личность Махина, написал в газетной статье очевидец событий: «Будучи по делу в городе, занятом оккупантами, он чуть было не был захвачен. Вместе с ним был видный югославский деятель. Одна “русская” опознала случайно на улице спутника Ф.Е. Махина и донесла сейчас же оккупантам. Югослава арестовали и отдали в распоряжение гестапо [...] Ф.Е. Махину снова удалось уйти в горы» [10. С. 2].

В июне Махин находился уже в Черногории, в курортном городке Рисан. Там его застало известие о начале Великой Отечественной войны. Махин с единомышленниками пришел к выводу, что судьба Югославии теперь неразрывно связана с судьбой России. Затем он спешно покинул Рисан и отправился в горы. В августе Махин участвовал в захвате повстанцами у итальянских оккупантов города Грахово. Он ездил по деревням, помогал организовывать партизанские отряды и диверсионные группы, выступал на сельских сходах, боролся вместе со знаменитым черногорским партизаном Савой Ковачевичем.

Осенью 1941 г. Махин с повстанцами ушел на север в горные районы и оказался в эпицентре партизанско-четнического восстания в Восточной Герцеговине. После того как четники стали нападать на партизан-коммунистов, Махин, как он утверждал в советской печати, примкнул в конце 1941 г. [11. С. 3; 12. С. 3] к последним. Эти же сведения изложены журналистом при штабе Й.Б. Тито В. Дедиером [13. С. 196]. Но в действительности некоторое время в конце 1941 — первой половине 1942 г. Махин прожил в глухом районе племени баняне на границе Черногории и Восточной Герцеговины.

Гражданская война для русских эмигрантов, по сути, возобновилась. В коллаборационистском Русском корпусе служили многие русские офицеры, в том числе и те, с кем Махин был знаком по службе в русской армии и по учебе в академии: например, в рядах Русского корпуса оказался однокашник Махина по академии полковник Э.Э. Шляхтин.

Представители коллаборационистских кругов белой эмиграции преследовали лиц, связанных с Махиным. В частности, возглавлявший при гитлеровцах «Бюро по защите интересов и для помощи русским эмигрантам в Сербии» полковник В.В. Крейтер (учился в Николаевской академии на два курса младше Махина) в апреле 1942 г. уволил за это, а также за «несоответствие наших политических взглядов» директора русской мужской гимназии Белграда И.М. Малинина [3. С. 575; 14. С. 129, 130]. Малинин ответил Крейтеру на упрек в связи с Махиным достаточно смело для подневольного человека на оккупированной территории: «Расхождение существует, в особенности, если Вы возводите в ранг политических взглядов и обмен новогодними поздравлениями между лицами, стоявшими во главе русских учреждений. Я же лично расцениваю этот обмен условными любезностями (кстати сказать, вероятно, больше чем десятилетней давности) такими же, как и те шаблонные и лишённые реального содержания формулы, которыми мы начинаем и заканчиваем наши письма. Но я допускаю, что все можно рассматривать под любым углом зрения. В моей же служебной карьере нынешнее мое освобождение от службы не является особенной новостью: в свое время я по той же причине

был удален с поста попечителя Одесского учебного округа приказом комиссара украинского правительства [С.В.] Петлюры, затем вычеркнут из списка доцентов университета в Одессе распоряжением комиссара рабоче-крестьянской власти при университете, и вот теперь Вами. И все по одной и той же причине – расхождения политических взглядов» [14. С. 131].

Слава опережала Махина. Так, в донесении штаба Д. Михайловича в Лондон от 7 мая 1942 г. о коммунистах Югославии сообщалось, что «они ожидают помощи оружием из России. Их лидеры – полковник Махин и некто под вымышленным именем Тито. Они не выбирают средства вообще» [15. С. 250]. Интересно, что такая же информация о Махине как о лидере югославских коммунистов была представлена югославскому правительству в изгнании в ноябре 1941 г. Впрочем, вероятно, речь шла о намеренной дезинформации Лондона с целью принизить роль Тито.

В 1942 г. Махин вновь попал к четникам. Не позднее 6 июня он был освобожден партизанами 1-й Пролетарской народно-освободительной ударной бригады [16. С. 52] и 8 июня примкнул к штабу партизан Тито в селе Плужине [13. С. 196]. Через некоторое время он стал военным советником Тито и оказался в числе организаторов партизанского движения в Югославии.

Публикации рассекреченных документов Коминтерна свидетельствуют о начале сотрудничества Махина с Тито, а также о нелегальной деятельности Махина и о его работе на советскую разведку. Й.Б. Тито, являвшийся одним из видных деятелей Коминтерна (в зашифрованной переписке Коминтерна кодовое имя «Вальтер»), проинформировал Москву об участии Махина в партизанском движении. 31 августа 1942 г. он сообщил в Исполнительный комитет Коминтерна, что Махин был в плену у четников, но его удалось освободить вместе с профессором [С.] Милошевичем. Утверждая, что Махин «держится хорошо» и собирается писать книгу о боях в Югославии и о Д. Михайловиче, Тито все же просил навести о нем справки в НКВД [17. С. 439].

После этого, 15 (по другим документам 19) сентября 1942 г., по линии Коминтерна пришло совершенно секретное сообщение для Тито, раскрывшее Махина как сотрудника советской политической разведки и предписывавшее Тито через своего представителя обратиться к Махину от имени его прежнего куратора «Правдина» при помощи пароля: «Привет от товарища Правдина, я пришел продолжать работу, которую проводил с Вами Правдин». Органы советской разведки (кодовое наименование «соседи») проявили большую заинтересованность и просили выяснить, нет ли у Махина какой-либо информации для «Правдина» о его положении у Д. Михайловича и может ли он вновь войти к нему или кому-то из его окружения в доверие, а также может ли Махин вернуться к Михайловичу или на оккупированную территорию и осуществлять оттуда связь. Как уже отмечалось, «Правдиным» являлся советский разведчик Р. Аббиа, в 1942 г. находившийся в США. После этого Тито стал относиться к Махину с подозрением, но принимать к нему какие-либо меры не мог.

В ответ 19 сентября от имени Махина была отправлена радиграмма: «Товарищу Правдину. Преследуемый немцами и белогвардейцами, я 23 июня прошлого [года] скрылся в Черногории, где участвовал в партизанском движении с самого его начала и там себя достаточно скомпрометировал в глазах четников Дражи Михайловича. Был у них в плену и освобожден партизанами от выдачи итальянцам. После итальянско-четнического наступления в Черногории

отступил с партизанами в Боснию, где присоединился к Верховному штабу. Из окружения Михайловича хорошо знаком с его помощником Ильей Трифуновичем (Бирчанином), председателем Народной Одбраны, его характеристику, мне кажется, я Вам сообщил. Трифунович сейчас с помощью итальянцев ведет наступление против партизан со стороны Сплита. Попытаюсь при посредстве партизанского Верховного штаба связаться с ним, и если удастся, то и устроить с ним свидание. В этом отношении желательны Ваши указания. Пробраться в оккупированные края при постоянной за мной слежке гестапо сейчас невозможно. На днях пошлю подробную информацию о положении нашей здешней борьбы. Я очень обрадован возможностью нашей связи и работы. Горячий привет. Махин» [18. С. 216–217].

Радиограмму подписал и Тито. Из этого документа, возможно, следует, что с началом войны Махин, будучи у Д. Михайловича, по каким-то каналам связи продолжал информировать советское руководство, но допустимо и предположение о передаче таких данных до войны. Кроме того, этот документ свидетельствует о характере информации, предоставлявшейся Махиным в Москву: речь шла о характеристиках югославских политических деятелей. По оценке А.Ю. Тимофеева, Тито пытался при помощи Махина обосновать перед Коминтерном правильность своего курса на борьбу с четниками.

Советские представители попытались использовать Махина для связи с формированиями Д. Михайловича, но он уклонился от возвращения в штаб возглавляемого Михайловичем Югославского войска в Отечестве для выполнения задания Москвы. Не собирався отпускать его туда и сам Тито, который сообщил в Москву, что задание очень сложное, а Махин уже старый и болезненный [18. С. 215–216]. Вскоре последовало уточнение: нужно было предложить Махину ведение разведывательной работы на территориях, занятых немцами и итальянцами. Предполагалось, что Федор Евдокимович организует засылку агентов в соседние страны и будет поддерживать с ними связь. Другим возможным направлением его деятельности должна была стать работа по разложению четников Михайловича. В Москве даже предлагали, чтобы Махин организовал похищение одного из ближайших соратников Дражи. Неутомимый полковник получил в Коминтерне кодовое имя «Марс», соответствовавшее первым двум буквам его фамилии (в одном из исследований истории партизанской разведки была высказана целая серия гипотез, кем мог быть «Марс», если бы им вместо Махина являлся кто-то иной [19. С. 86–87]). Москва в шифровке от 26 сентября 1942 г. предписывала Тито следующее: «Марса нужно будет передать для работы товарищам, которые будут Вами выделены для специальной работы. Пока же держите связь с ним Вы. Если подходящих товарищей не подберете, то рацию и радиста передайте ему для связи с соседями. При этом учтите, что Марс хотя и проверен на работе соседями, но все же он не является их кадровым представителем, поэтому за ним нужен контроль в форме, не могущей его обидеть. Шифр для него будет переслан через Вас» [17. С. 440]. С учетом того что во всей Югославии, по данным на начало 1943 г., для связи с Коминтерном действовало только три радиостанции (в Хорватии, Словении и в партизанском районе Югославии у Тито) [18. С. 192], подобное распоряжение существенно повышало статус Махина и ограничивало возможности Тито. Нет ничего удивительного, что последний его не исполнил, оставив контроль связи с Москвой за собой.

27 сентября датировано последнее донесение Махина «Правдину» через радиостанцию ЦК Компартии Югославии с описанием победы партизан над четниками в Западной Боснии и упоминанием широкого сотрудничества четнических воевод с итальянскими оккупантами. Махин выразил мнение о невозможности и ненужности легализации партизанского движения эмигрантским правительством Югославии, отметив перспективность признания партизан англо-американцами, хотя бы в военном отношении [18. С. 217]. Очевидно, что подобные сообщения могли составляться только под полным контролем Тито. Независимым источником информации для Москвы Махин после его раскрытия самими советскими представителями быть перестал, а Тито не собирался предоставлять русскому офицеру никаких особых полномочий.

Существует версия о том, что при Тито состоял некий согладатель от НКВД и что им был Махин. Однако исследователи это не подтверждают. По оценке А.Ю. Тимофеева, со второй половины 1941 г. поток материалов о положении в Югославии, поступавших в Москву, резко сократился, а в результате не вполне понятных провалов руководство СССР лишилось независимых от Тито источников информации, причем в одном случае достоверно известно, что статус агента девальвировал сам Тито [18. С. 190–192]. Не стал таким согладатель и Махин.

Война объединила бывшего участника Белого движения на Востоке России Махина и бывшего югославянского интернационалиста Тито, боровшегося в Сибири с белыми [20. С. 3]! Роль Махина при Тито малоизвестна, многие сведения противоречивы, а часть до сих пор засекречена. Но по совокупности имеющейся информации можно утверждать, что эта роль была значимой. Достаточно отметить, что в октябре 1942 г. Махин жил вместе с Тито и его ближайшими соратниками в одном железнодорожном вагоне. Всего в вагоне размещалось 13 человек, включая самого Тито и его любовницу и секретаря Зденку (настоящее имя и фамилия – Даворианка Паунович) [21. С. 293], причем Махин имел привилегированное купе, отделенное деревянными перегородками [22. С. 258–259].

В 1942 г. Махину исполнилось 60 лет. По возрасту он уже не мог выполнять функции полевого командира, специалистом по современной войне или по диверсиям он также не являлся. Не случайно, журналист при штабе Тито В. Дедиер звал его «старый Махин» (Дедиер был на 32 года моложе). Отголоски отношения к Махину в штабе как к старику прослеживаются и в распоряжениях Тито, изложенных Дедиером. Например, в такой записи: «В самых тяжелых ситуациях и при наивысшем накале борьбы товарищ Тито всегда беспокоился, спрашивал, давал указания, например, о размещении больных, старых, измученных товарищей, которые время от времени находились в Верховном штабе. Среди них такие люди, как [В.] Назор, Махин, [И.] Рибар и даже совершенно обычные, неизвестные бойцы» [23. С. 153].

Однако Федору Евдокимовичу нашлось применение. Помимо большого опыта руководства вооруженной борьбой, он владел рядом иностранных языков (русским, немецким, английским, французским, болгарским, чешским и сербохорватским с русским акцентом). Владение языками, наряду с академическим образованием, пониманием военно-политической ситуации, военной географии СССР и общей эрудицией оказались востребованными в штабе Тито в условиях дефицита информации о ходе войны. В обязанности Махина входило прослушивание и комментирование сведений различных радиостанций, прежде всего, советских и британских. Поскольку для прослушивания

радио требовалась тишина, Махину выделили отдельную комнату, которую он делил с шифровальщиком, что воспринималось другими работниками штаба с некоторой завистью как привилегия [24. С. 254]. Для нужд штаба Махин чертил карты и делал доклады [13. С. 275]. Кроме того, он участвовал в составлении и редактировании «Наставления по организационной структуре и основным задачам разведывательной службы на освобожденной и неосвобожденной территории», выпущенного не позднее 27 ноября 1942 г. за подписью Тито [25. С. 68; 26. С. 181; 27. С. 460–467]. Также Махин выступал с лекциями в войсках и публиковал обзоры военно-политической ситуации в «Военно-политическом обозрении Верховного штаба». Официально Федор Евдокимович состоял военным советником при Верховном штабе НОАЮ, работал переводчиком и сотрудником отдела пропаганды. В дневнике В. Дедиера сохранилась запись о том, как Махин 19 января 1943 г. взволнованно сообщил работникам штаба о прорыве блокады Ленинграда, случившейся накануне [28. С. 59]. Другому участнику партизанской борьбы запомнились комментарии Махина о Сталинградской битве [29. С. 252].

Партизанская война была сопряжена со смертельной опасностью не только для рядовых бойцов, но даже для работников штаба. В разгар боев 13 июня 1943 г. Махин с группой бойцов отделился от главных сил партизан и пытался прорваться от Сутески в Герцеговину, однако в селе Чемерно попал в плен к четникам. Сохранилось полуанекдотическое описание его пленения в дневнике В. Дедиера, видимо, изложенное впоследствии самим Махиным. Четники «начали прыгать вокруг него. Один четник воскликнул: “Смотрите, русский еврей в партизанской шапке”» [28. С. 298]. Махину повезло — через два дня он сумел бежать с помощью местных партизан. Это было уже его вторым освобождением из плена четников, причем скрылся Махин в тех же местах, где жил в 1941–1942 гг. — в районе племени банян на границе Восточной Герцеговины и Черногории. Затем Махин не ранее августа возвратился к титовцам. Истории о том, как он сумел перехитрить четников и освободиться уже во второй раз, пользовались популярностью в штабе Тито.

26 сентября 1943 г. Махин вместе с деятелями науки и культуры подписал коллективное письмо протеста против убийства четниками ученого С. Милошевича (того самого, которого освободили вместе с Махиным у четников в 1942 г.) и поэта И.Г. Ковачича, которое было обнародовано через радиостанцию «Свободная Югославия» [30. С. 253].

Старый товарищ Махина генерал П.С. Махров вспоминал: «Махина я знал как талантливого офицера Генерального штаба, как храброго, доблестного офицера и большого патриота. В 1941 году он, будучи эмигрантом, считал своим долгом служить России. Тито любил и уважал Махина. Он его и произвел в генералы за боевые заслуги» [31. С. 101]. И в другом месте: «Махин был человек живого творческого ума, военно-образованный, выдающийся офицер Генерального штаба, обладавший сильной волей, мужеством и храбростью» [32. С. 192].

По свидетельству эмигранта В.А. Маевского, «после прихода немцев в Югославию полк[овник] Махин скрылся из Белграда в горы к партизанам Тито, в штабе которого играл большую роль как военный специалист. А когда Тито, после окончания войны, вступил в Белград, то, в ознаменование особых заслуг Махина, произвел его в генерал-майора, а затем и генерал-лейтенанта. Когда же этот его сотрудник скончался, то в Белграде устроены были исключительно пышные похороны» [33. С. 113].

Неудивительна апология Тито в брошюре Махина, изданной в 1944 г., где автор охарактеризовал Тито как носителя стратегической мысли НОАЮ, который воплощал высокие качества политического мыслителя и военачальника [34. С. 17].

В несколько романтической форме причины карьерного взлета Махина у Тито представил поэт Б.А. Слуцкий. По его словам, «тоска по строевому офицеру, с погонами, появилась у югославов сравнительно рано [...]. Авторитет русской армии как кадровой сказался и в том, что казачий полковник Махин, порвавший с Дутовым в 1919-м, очутившись у партизан, дослужился до генерал-лейтенанта, хоть и писал больше статьи о Суворове и Фрунзе и заведовал в Главном штабе военно-пропагандным отделом» [35. С. 65–66]. Махин был не единственным русским эмигрантом в окружении Тито. В Верховном штабе НОАЮ на посту начальника технического отделения служил В.Ф. Смирнов, а также некоторые другие выходцы из России.

Для Махина нашлась работа, соответствовавшая его военно-академическому образованию и опыту. Он служил одним из руководителей отдела радио и пропаганды штаба НОАЮ (по некоторым данным, заведовал им), сотрудничал с газетами и журналами («Борба», «Нова Југославија» и др.), составлял недельные обзоры положения на советско-германском фронте, готовил информационные материалы для радиостанции «Свободная Югославия» [21. С. 617, 632]. В дальнейшем стал первым начальником исторического отделения Генерального штаба югославской армии. В этом качестве Махин должен был собирать материалы о боевых операциях, анализировать успехи и неудачи партизан. Он писал большие пропагандистские статьи о Суворове и Фрунзе, активно занимался издательской деятельностью. В 1944 г. Махин в Белграде издал пропагандистскую брошюру «Вперед на Германию» [36], в Нови Саде также была выпущена его брошюра «Наша регулярная армия» (написана в сентябре 1944 г.). Кроме того, перу Махина принадлежат еще несколько произведений на сербском языке [2. С. 208]. Махин получил у югославов прозвище «атаман». Он считался в штабе Тито человеком высокообразованным, обладавшим широким кругозором и большим патриотом [21. С. 632]. Махин находился в дружеских отношениях с начальником югославского Генерального штаба генералом Арсо Йовановичем.

Указом от 1 ноября 1943 г. Тито произвел Махина в генерал-лейтенанты югославской армии, минуя чин генерал-майора, что стало актом признания его заслуг [37. С. 376]. Впрочем, в опубликованном в СССР дневнике Махина производство отнесено к 24 февраля 1944 г. Тито уведомил Федора Евдокимовича об этом телеграммой [38. С. 3].

1944 год остается наименее понятным в военной биографии Махина. В ряде материалов указано, что он побывал в СССР на праздновании 26-й годовщины Красной армии в феврале 1944 г., где ему была устроена торжественная встреча [4. С. 114; 39. С. 320]. Якобы знакомство с Красной армией произвело на Махина большое впечатление. Он вернулся из СССР в оптимистическом настроении и говорил о скорой победе над гитлеровцами. Судя по всему, источником этих сведений послужили материалы личного дела Махина, хранящегося в Сербии.

Однако такая поездка представляется маловероятной. Дело в том, что регулярного авиасообщения СССР с Тито тогда еще не было. Поездки были сопряжены с огромными трудностями и риском. Известно, что 23 февраля 1944 г. в Боснию после серии перелетов через Баку — Тегеран — Багдад — Каир — Триполи — Тунис — Бари — район города Петровац прибыла советская военная

миссия генерал-лейтенанта Н.В. Корнеева из Москвы [18. С. 229–239]. Миссии Корнеева пришлось высаживаться на импровизированный аэродром с планеров. Судя по всему, раньше марта Махин никуда вылететь не мог. Не подтверждаются сведения о такой поездке и в опубликованном в СССР дневнике Махина.

По имеющимся сведениям, летом 1944 г. Махин находился в Италии, на базе НОАЮ, а в конце августа прибыл в штаб Тито на остров Вис. После освобождения Белграда частями Красной армии 20 октября 1944 г. Махин в числе первых поздравил командующего 3-м Украинским фронтом маршала Ф.И. Толбухина с победой.

В ноябре 1944 г. была сформирована правительственная делегация Югославии для поездки в Москву. Главой делегации был премьер-министр и министр иностранных дел И. Шубашич. В составе делегации в СССР отправился и Махин как представитель Верховного штаба НОАЮ. Статус генерала союзной армии являлся определенной гарантией безопасности Махина в СССР. Перелет обеспечивали советские летчики. 14 ноября делегация вылетела с аэродрома Земун. Летели до Бухареста, совершив там сложную посадку. Далее до Москвы добирались поездом и прибыли 20 ноября на Киевский вокзал.

Делегацию торжественно встречали сотрудники Наркомата иностранных дел и Наркомата обороны во главе с заместителем Народного комиссара иностранных дел СССР И.М. Майским. В Российском государственном архиве кинофотодокументов сохранилась кинохроника этой встречи. Интересно, что Майский в 1918 г. в Самаре являлся министром труда Комуча, а Махин занимал высокий пост в Народной армии Комуча. Позднее же Майский вполне объективно охарактеризовал деятельность Махина в книге «Демократическая контрреволюция». Он, несомненно, понял, кем являлся гость из Югославии. Знал ли Махин о Майском и о его деятельности в 1918 г., читал ли его книгу — об этом можно только догадываться.

Нарком В.М. Молотов устроил для делегации завтрак. 22 ноября руководителей делегации вместе с Молотовым в течение трех часов и пяти минут принимал И.В. Сталин, однако в журнале посещений его кабинета Махин не указан [40. С. 444].

У Федора Евдокимовича была своя программа переговоров. В частности, он приехал в военную миссию НОАЮ в СССР со специальным поручением ознакомиться с организацией военного издательства в СССР и печатными материалами по опыту войны для того, чтобы организовать военное издательство в Югославии и перепечатать советские материалы, которые можно было бы положить в основу учебы по повышению квалификации офицеров НОАЮ. 30 ноября соответствующая просьба была направлена заместителю начальника Генерального штаба Красной армии генералу армии А.И. Антонову [41. С. 264]. Просьба была удовлетворена.

24 ноября югославская делегация улетела из Москвы². Но Махин, вероятно, задержался в СССР. Во всяком случае, в январе-феврале 1945 г. в газете «Красная звезда» вышла подцензурная публикация отрывков из его дневника за 1941–1944 гг. с апологией Тито. Кроме того, по одному из свидетельств, на обратном пути Махин на Украине встретился с женой. Следовательно, возвращался он на поезде, а не на самолете.

² К сожалению, в моей книге «Измена командармов» (М., 2020) указана ошибочная дата отъезда.

Если для Тито Махин был неприкасаемым как советский агент, то для Сталина он таковым оказался в качестве югославского генерала. И хотя прежние сослуживцы Махина по антибольшевистскому лагерю подвергались в те годы в СССР преследованиям даже за меньшие прегрешения, самого его не тронули ни за громкую измену 1918 г., ни за эсеровскую диверсионную деятельность начала 1920-х годов. Не было дано хода и заочному приговору в отношении Махина, вынесенному в 1922 г. на процессе партии эсеров и отложеному до возвращения Федора Евдокимовича на родину. При этом Махин верил в демократизацию советской власти.

В марте 1945 г. Федора Евдокимовича назначили начальником исторического отделения Генерального штаба НОАЮ и начальником военных архивов Югославии. Он сотрудничал с органом ЦК КПЮ газетой «Борба», будучи ее военным комментатором и даже якобы способствовал возвращению в СССР части золота, вывезенного чехословаками в Гражданскую войну из Сибири [42. С. 530]. 29 апреля 1945 г. ему наряду с другими офицерами и генералами была поручена разработка тем для подготовки военно-политической литературы. К 20 мая он должен был разработать тему «Место нашей народно-освободительной войны в общесоюзнической стратегии», а к 1 июня — «Обзор стратегии и тактики нашей войны» [43. С. 614].

Деятельность Махина отмечена одной из высших наград Югославии — орденом Партизанской звезды I степени (посмертно за храбрость, 4 июня 1945 г.) [44. С. 1] и памятной медалью бойца, участвовавшего в боевых действиях с 1941 г., а также советским орденом Ленина.

Знавший вдову Махина эмигрант Г.А. Малахов отметил, что Махин «дружил с Моше Пияде и Владимиром Назором. Он же утверждал, что после войны Ф.Е. Махин организовал в Калемегдане (часть Белграда) военный музей и был первым его начальником» [45. С. 156]. Генерал М. Пияде — один из ближайших соратников И.Б. Тито, в конце 1944 — начале 1945 г. (видимо, одновременно с Махиным) находился с политической миссией в Москве. Хорватский писатель и поэт В. Назор являлся одним из руководителей партизанского движения в Югославии. При этом вряд ли справедливо утверждение о том, что Махин организовал военный музей в Белграде, так как тот был создан еще в 1878 г.

В докладной записке посла СССР в Югославии И.В. Садчикова наркому иностранных дел СССР В.М. Молотову от 27 ноября 1945 г. о русской белой эмиграции в Югославии сообщалось, что «основная масса проживающих в настоящее время на территории Югославии русских эмигрантов изменила свое отношение к Советскому государству, став на патриотические позиции [...]». В настоящее время в рядах Югославской армии на различных должностях находится 443 эмигранта. Некоторые из них приняли активное участие в партизанском движении с самого его зарождения, занимая ответственные командные посты. Например, недавно умерший генерал-лейтенант Югославской армии Махин Федор» [3. С. 744–745]. В приложенной справке отмечалось, что Махин «еще до войны стал на патриотический путь по отношению к Советскому Союзу. После нападения Германии на Советский Союз Махин отдал себя в распоряжение народно-освободительного движения Югославии, а впоследствии стал одним из его организаторов» [3. С. 748].

Махин неожиданно заболел и скончался в Белграде 3 июня 1945 г. Поездка генерала в СССР незадолго до смерти породила разговоры о том, что его

смерть не была естественной. Можно допустить и другие версии, особенно с учетом высокой информированности Махина как куратора военных архивов НОАЮ (в частности, там хранились материалы о тайных переговорах титовцев с гитлеровцами). Однако, видимо, все было прозаичнее. Некоторые подробности, достоверность которых не представляется возможным проверить, изложил в воспоминаниях эмигрант Г.А. Малахов: «В 1945 году, после войны, он (Махин. — А.Г.) съездил в Москву. Несмотря на рекомендацию Иосифа Броз Тито, Сталин его не принял, а принял Молотов.

Сталин не разрешил Махину остаться в России и передал ему через Молотова: “Уезжайте назад в Югославию!”

На обратном пути на Украине он повидал свою первую жену. Сыновья не пришли повидать своего отца. Они еще перед войной публично отказались от него.

Все это Махина потрясло. Приехал он из России в Югославию больным. Лечился лекарствами, привезенными из Москвы. Его приемная дочь Ирина Лазаревна предлагала ему швейцарские лекарства, но Махин не стал их принимать. Он больше верил московским. Вскоре он умер. В Белграде прошел слух, что он был в Москве отравлен. Этому нелепому слуху верила и его вдова, Надежда Георгиевна.

Об этом она мне лично говорила, когда я ее навестил перед отъездом на Родину» [45. С. 156].

Возможно, предположения об отравлении Махина в СССР относились к более позднему времени охлаждения советско-югославских отношений и являлись антисталинской легендой. Если бы Махин являлся нежелательной для советского руководства фигурой, было бы намного проще задержать его в СССР. Кроме того, в августе 1948 г. в эмигрантской газете «Новое русское слово» со ссылкой на статью некоего сербского общественного деятеля в питтсбургской газете «Американски Србобран» публиковалась версия о том, что Махин умер после того, как был избит возле дома неустановленными лицами [46. С. 3].

Товарищ Махина генерал Махров, живший во Франции, считал, что тот умер от переутомления на войне [47. С. 349]. И хотя Махров судил об этом, скорее всего, только как сторонний наблюдатель, рациональное зерно в его оценке присутствовало. Три года походной жизни и партизанской войны с высокими физическими нагрузками при отсутствии элементарных бытовых удобств, не говоря о постоянном риске и нервном напряжении, являлись тяжелейшим испытанием даже для людей среднего возраста, Махину же в начале войны исполнилось 59 лет. А впереди были постоянные перемещения по территории Югославии, множество боев, два плена и побег.

На первой полосе газеты «Борба» группа видных генералов югославской армии, членов ЦК Компартии Югославии (включая Милована Джиласа, Арсо Йовановича, Кочу Поповича) подписала некролог. Другой некролог с идентичным началом напечатала газета «Политика». Обе газеты также поместили репортажи о похоронах Махина, прошедших 4 июня 1945 г.

В некрологе газеты «Политика» отмечалось, что Махин был необычайно симпатичной и интересной личностью, очень скромным и доброжелательным человеком [48. С. 3]. В старой России он как сторонник левых взглядов находился под подозрением, ссылка его отца в Сибирь также подавалась как акт политического преследования.

Прощание с Махиным проходило в Доме Югославской армии (Офицерском доме). Помощник начальника Генерального штаба генерал-майор Раде Хамович в траурной речи перед домом Югославской армии сказал: «Мы прощаемся с еще одним большим патриотом, большим сыном братской России, первоборцем³ нашей армии генерал-лейтенантом, нашим дорогим Федором Махиным. С момента своего прибытия в нашу страну он не пошел по пути тех беженцев из Советской России, которые начали создавать в Югославии реакционный центр для следующей интервенции в братский Советский Союз, уже в числе первых начал путем распространения книг разоблачать ложь о братском Советском Союзе, о его силе и о молодой Красной армии. Наши народы ему за это очень благодарны. А позже, когда те же предательские банды начали создавать батальоны и дивизии для борьбы против нашего народа, который в свое время оказывал им гостеприимство, наш дорогой Махин уезжает в Черногорию. Среди первых борцов седой старик берет в руки винтовку и сражается в течение четырех лет вместе с нами» [49. С. 5]. Махину противопоставлялись русские коллаборационисты, сотрудничавшие с гитлеровцами.

Траурная процессия с гробом, установленным на артиллерийский лафет, проследовала по улицам Краля Милана, Теразие, Краля Александра до Нового кладбища. Махина похоронили с воинскими почестями на белградском Новом кладбище на аллее народных героев Югославии возле памятника защитникам Белграда в 1915 г.

Возле могилы речь произнес генеральный секретарь президиума правительства М. Бакич, который сказал: «Я помню твои лекции в июне 1942 года, которые ты читал в Четвертой пролетарской бригаде. Первыми словами твоей лекции были: “Я, товарищи бойцы, говорю как русский, как русский патриот, и я считаю, что, сражаясь в ваших рядах, я защищаю свою родину, я защищаю братство и единство славянских народов”» [49. С. 5].

Р. Лалич от редакции газеты «Борба» отметил: «В генерал-лейтенанте Федоре Махине мы потеряли человека, чье благородное сердце билось не только за русский народ, не только за его великую родину, но и за нашу страну, и за наш народ. В Югославии Федор Махин нашел свою вторую родину, которой посвятил все свои большие способности и все рвение своего широкого славянского патриотизма. Не только борец и воин, Федор Махин был видным общественным деятелем, отличным военным писателем, публицистом и журналистом. В своих статьях он внушал веру в Красную армию в то время, когда немецкий фашизм готовился напасть на нашу страну и на Советский Союз. Его работа на французском языке “Красная армия” разоблачила распространенную ложь о мнимой слабости Красной армии. Имя Федора Махина навсегда останется в истории нашего народно-освободительного движения, в истории нашего народа» [49. С. 5].

Почетный караул дал три залпа салюта, а оркестр сыграл похоронный марш.

Как свидетельствовал генерал П.С. Махров, Махин пользовался уважением и любовью Тито, а погребение офицера «состоялось с возданием воинских почестей, соответствовавших его генеральскому чину. На похоронах присутствовал советский военный агент, прибывший поклониться праху усопшего» [50. С. 1308].

³ Первоборец – участник сопротивления с 1941 г.

На похоронах Махина присутствовали начальник Генерального штаба генерал А. Йованович, генеральный секретарь президиума правительства М. Бакич, заместитель председателя Антифашистского веча народного освобождения Югославии М. Вуячич, представители Народной скупщины Сербии, советской, болгарской и албанской военных миссий. Однако Й.Б. Тито отсутствовал, что свидетельствует, по-видимому, о не столь близких отношениях между ним и Махиным.

Именем генерала Махина в 1946 г. была названа одна из улиц Белграда, но в конце XX в. улицу в связи со сменой государственной идеологии переименовали, посвятив художнику Миче Поповичу [51. С. 81].

Участие во Второй мировой войне стало кульминацией карьеры Махина. На склоне лет он вписал в свою биографию, казалось бы, совершенно невероятную для простого русского эмигранта главу — стал приближенным генерального секретаря ЦК Компартии Югославии Й.Б. Тито и генералом НОАЮ. В итоге в силу разных причин с Махиным не смогли ничего сделать ни Тито, ни Сталин. Вместе с тем, ввиду недоступности и секретности многих важных документов о деятельности Махина в этот период, окончательное выяснение обстоятельств его работы в годы Второй мировой войны остается задачей будущих исследований.

Личный опыт Махина, наряду с кругом общения и принадлежностью к определенным политическим партиям и движениям, привел его в ряды борцов с фашизмом. Оборонческое движение еще в 1930-е годы выдвигало идеи защиты СССР от внешнего врага. Однако значительную часть активной военной эмиграции составляли озлобленные личной драмой, а порой и трагедией ветераны Белого движения, оказавшиеся в результате Гражданской войны у разбитого корыта на чужбине. В их среде люди типа Махина считались изгоями. Неудивительно, что в годы Второй мировой войны немало военных эмигрантов стали сотрудничать с нацистской Германией. При этом все они считали себя патриотами России. Подобная близорукость, с одной стороны, привела к печальным последствиям для самих эмигрантов, а, с другой, белая военная эмиграция, во многом, оказалась дискредитирована на весах русской истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Ганин А.В. Измена командармов. Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2020.
2. Voina Enciklopedia. Drugo izdanje. Beograd, 1973. Т. 5.
3. Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов: Док. и мат. Курск, 2017. Т. 10: Крах. 1939–1946 гг.
4. Јововић Б., Марческу Н. Први начелници историјских одељења главних Генералштабова војски краљевине Србије и краљевине Југославије и Генералштаба ЈА // Војно-историјски гласник (Београд). 2002. № 1–2.
5. Ехина Н.А. «История русского сопротивления... еще не написана»: К истории Союза советских патриотов в Югославии в годы Второй мировой войны // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына 2014–2015. М., 2015.
6. Мотов В. Пришло время рассказать... Финал (Бирк в Италии) // Новости разведки и контрразведки (Москва). 2004. № 19–20 (196).
7. Белоэмиграција у Југославији 1918–1941. Београд, 2006. Т. 1.
8. Тимофеев А.Ю. Положение русской эмиграции в Югославии в 1941 году // Славяноведение. 2006. № 4.

9. Kovačević S. Povezivanje sa Fjedorom Mahinom // Veze u NOV. Ratna Sećanja. 1941–1945. Beograd, 1981. Т. 2.
10. Н.Р. Ф.Е. Махин в рядах четнической армии // Новое Русское Слово (Нью-Йорк). 1942. 29.03. № 10630.
11. Махин Ф., генерал-лейтенант Народно-освободительной армии Югославии. Югославский дневник // Красная звезда. 1945. 17.01. № 14 (6002).
12. Махин Ф., генерал-лейтенант Народно-освободительной армии Югославии. Югославский дневник // Красная звезда. 1945. 31.01. № 25 (6013).
13. Dedijer V. Dnevnik. Rijeka, 1981. Т. 1.
14. Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944). Авторы-составители А.Б. Арсеньев, М.Л. Ордовский-Танаевский. В двух кн. Белград, 2018. Кн. 1.
15. Zbornik dokumenata i podataka o Narodnooslobodilačkom ratu jugoslovenskih naroda. Beograd, 1981. Т. 14. Кн. 1.
16. Prva proletarska. Iustrovana monografija. Zagreb, 1984.
17. Фирсов Ф.И. Секретные коды истории Коминтерна 1919–1943. М., 2007.
18. Тимофеев А.Ю. Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945. М., 2010.
19. Odić S., Komarica S. Partizanska obavještajna služba 1941–1942. Zagreb, 1988. Кн. 3.
20. Гуренко Ю.С. Сталин – Тито. М., 1991.
21. Матовић И. Војсковођа с ореолом мученика. Повест о генералу Арсу Р. Иовановићу начелнику Врховног штаба НОВЈ и његовој трагичној судбини. Београд, 2001.
22. Savić B. Rad šifranata u Vrhovnom štabu – uspostavljanje veze sa Kominternom i nase prve sifre // Veze u NOV. Ratna Sećanja. 1941–1945. Beograd, 1981. Т. 2.
23. Dedijer V. Dnevnik. Rijeka, 1981. Т. 3.
24. Savić P. Mirnodopski život u Bihaću omela je ofanziva // Bihaćka Republika. 4.11.1942–29.1.1943. Beograd, 1965. Кн. 1.
25. Милошевић М. Полицијско-безбедносно структуре у окупираној Србији 1941–1944 // Гласник историјског архива Ваљево. 2002. № 36.
26. Akrap G. Mač i štit u rukama Partije – represivni sustav u funkciji oblikovanja korpusa javnog znanja // National Security and the Future. 2010. № 4 (11).
27. Zbornik dokumenata i podataka o Narodnooslobodilačkom ratu jugoslovenskih naroda. Beograd, 1957. Т. 2. Кн. 6.
28. Dedijer V. Dnevnik. Rijeka, 1981. Т. 2.
29. Nikolić G. Partizanski sanitet u vreme stvaranja AVNOJ-a // Bihaćka Republika. 4.11.1942–29.1.1943. Beograd, 1965. Кн. 1.
30. Tito J.B. Sabrana djela. Beograd, 1984. Т. 16.
31. Махров П.С. Белая эмиграция в период 2-й мировой войны // Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры (Колумбийский университет, Нью-Йорк, США. Далее – BAR). P.S. Makhrov Collection. Вох 6. Ч. 1. Тетрадь 2.
32. Махров П.С. Белая эмиграция в период 2-й мировой войны // BAR. P.S. Makhrov Collection. Вох 6. Ч. 2. Тетрадь 3.
33. Маевский В.А. Русские в Югославии. Нью-Йорк, 1966. Т. 2.
34. Махин Ф. Наша регуларна војска. Нови Сад, 1944.
35. Слуцкий Б.А. О других и о себе. М., 2005.
36. Махин Ф. Јуриш на Немачку. Београд, 1944.
37. Зборник докумената и података о народноослободилачком рату југословенских народа. Београд, 1949. Т. 2. Кн. 1.
38. Махин Ф. Югославский дневник // Красная звезда. 1945. 10.02. № 34 (6022).
39. Иветић В. Махин Ф.Ј. // Српски биографски речник. Нови Сад, 2014. Т. 6.
40. На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. Науч. ред. А.А. Чернобаев. М., 2008.
41. Сергиенко А.М. АГОН – авиационная группа особого назначения. М., 1999.
42. Серков А.И. Русское масонство 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001.
43. Zbornik dokumenata i podataka o Narodnooslobodilačkom ratu jugoslovenskih naroda. Beograd, 1969. Т. 9. Кн. 9.
44. Фјодор Јевдокимовић Махин, генерал-лајтнант // Борба (Београд). 1945.04.06. № 134.
45. Малахов Г.А. Записки эмигранта // Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 35. Оп. 1. Д. 11. Выражаю благодарность К.К. Семенову за предоставленные сведения.
46. Как был ликвидирован полковник Махин // Новое Русское Слово. 1948.16.08. № 13261.

47. *Махров П.С.* Белая армия в эмиграции // BAR. P.S. Makhrov Collection. Box 6. Тетрадь 4.
48. Умро је генерал-лајтнант Фјодор Махин // Политика (Белград). 1945.04.06.
49. Свечана сахрана генерал-лајтнанта Фјодора Махина // Политика. 1945.06.06.
50. *Махров П.С.* Предания и воспоминания об академии и Генерального штаба // BAR. P.S. Makhrov Collection. Box 2. Ч. 4. Тетрадь 9.
51. *Косик В.И.* Что мне до вас, мостовые Белграда? Русская диаспора в Белграде. 1920—1950-е годы. Эссе. М., 2007.